

УДК 347

Семякин Михаил Николаевич

д-р юр. наук, профессор, завкафедрой частного права юридического факультета, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Semyakin Mikhail Nikolaevich

Doctor of Law, Professor, Head of Private Law Chair, Legal Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА:
ФИЛОСОФСКИЕ
И ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ**

**PHILOSOPHICAL AND LEGAL
APPROACHES
TO CIVIL PRACTICE**

Аннотация

В статье описываются правовые, философские и философско-логические подходы к разрешению вопросов судебной практики, рассматриваются категории «судебная практика» и «юридическая практика» с необязательно совпадающих точек зрения различных авторов-цивилистов.

Ключевые слова: судебная практика; юридическая практика; судебные решения; судебный прецедент; цивилистическая практика; правоприменительная практика.

Abstract

The article describes legal, philosophical and logical approaches to jurisprudence issues; the concepts of «jurisprudence» and «legal practice» are considered from different points of views of various authors in the field of civil law.

Key words: jurisprudence; legal practice; judicial decisions; judicial precedent; civil practice; law enforcement practice.

Цивилистическая практика как видовое явление тесно связано с «родовой» категорией – «судебная практика», а также с более широким феноменом правовой действительности – «юридическая практика». Поэтому, с методологических позиций, для выяснения природы цивилистической практики необходимо, хотя бы кратко, коснуться смысловых значений двух последних юридических понятий.

Категория судебной практики в научных исследованиях, а также в правоприменительной сфере и иной юридической деятельности используется в различных смысловых значениях: судебные решения по конкретным делам; постановления пленумов высших судебных инстанций; обзоры (обобщения) судебной практики по той или иной категории дел, утвержденные соответствующими судебными инстанциями; выработанные судами правовые позиции в процессе правоприменения и т. д.

Такая ситуация, как представляется, обусловлена тем, что названная категория используется в различных смысловых контекстах, связанных с теми или иными целями ее употребления, что при осмыслении данного понятия может порождать некоторые противоречия. Так, в юридических документах нередко используется выражение «разъяснения по вопросам судебной практики», из буквального толкования которого следует, что постановления высших судебных инстанций могут не охватываться категорией судебной практики, ибо такие акты (документы) содержат лишь «разъяснения» (толкования), объектом которых выступает сама «судебная практика». Иначе говоря, такое выражение формально допускает раздельное существование двух понятий: с одной стороны, судебной практики как таковой (как определенного вида деятельности), а с другой – «разъяснений» высших судебных инстанций, объектом которых («разъяснений») выступает сама эта практика.

Однако, думается, при использовании подобных выражений вряд ли имеются в виду указанные филологические «нюансы», а преследуется основная цель – дать разъяснения по наиболее сложным положениям законодательства, неоднозначно трактуемым судебными органами. Что же касается «разъяснений» высших судебных инстанций и непосредственно судебной правоприменительной деятельности, то оба указанных явления представляют собой разновидности родового феномена – судебной практики, о чем более подробно будет сказано ниже.

В юридической теории категория судебной практики также понимается исследователями по-разному. Как полагает В. В. Сорокин, «судебная практика фактически представляет собой типичные судебные решения по конкретным делам, являющиеся результатом длительного, однообразного судебного правоприменения»¹. Рассуждая далее, автор отмечает, что «судебную практику нельзя сводить и к разрозненным судебным решениям индивидуального характера, ибо она представляет собой результат теоретического обобщения таких решений с целью выявления типичного, повторяющегося единообразия»².

Таким образом, судебную практику автор идентифицирует не с каким-либо конкретным судебным решением, а с выявлением той сформировавшейся «типичической» (повторяющейся) модели судебного решения по той или иной определенной категории судебных дел.

По мысли известного цивилиста С. И. Вильнянского, «судебная практика – это сложившиеся при разрешении судами однородных конкретных дел правовые положения, выработанные в результате единообразного и многократного применения норм к отношениям, не урегулированным с исчерпывающей ясностью или неполно урегулированным соответствующим законом»³.

Из приведенного положения следует, что, во-первых, С. И. Вильнянский судебную практику идентифицировал с правовыми положениями, которые выработаны судами при разрешении однородных конкретных дел. Во-вторых, такие правовые положения вырабатываются судами в результате единообразного и длительного применения норм к отношениям, либо не урегулированным «с исчерпывающей ясностью», либо «неполно урегулированным» законом. В-третьих, опираясь на эти рассуждения, автор в дальнейшем пришел к выводу, что «постановления Пленума Верховного Суда судебной практикой не являются»⁴.

Аналогичный взгляд на природу судебной практики был высказан в 40-х годах XX столетия цивилистом П. Е. Орловским, который формулировал данную категорию как «установившуюся и определившуюся практику», «наличие определенной линии в деятельности судебных органов в отношении того или иного вопроса»⁵. По мнению названного ученого, о судебной практике можно говорить лишь по истечении нескольких лет, когда по определенной категории дел сформируются более или менее устоявшиеся положения⁶.

Судебная практика как «объективированный опыт» подвергалась исследованию и рядом других ученых (А. Б. Венгеров, В. П. Реутов и др.).

Известные цивилисты С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров обращали внимание на то, что не все судебные акты и акты судебных органов высших судебных инстанций относятся к судебной практике: «Необходимо со всей решительностью отвергнуть

¹ Сорокин В. В. Судебная практика как источник права: за и против // Сибирский юридический вестник. – 2002. – № 3. – С. 13.

² Там же.

³ Вильнянский С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. – Харьков, 1958. – С. 57.

⁴ Там же. – С. 60.

⁵ Орловский П. Е. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права // Советское государство и право. – 1940. – № 8–9. – С. 96.

⁶ Там же.

мысль о том, что к судебной практике относится любое решение народного суда, определение кассационной либо надзорной судебной инстанции или даже сумма решений по конкретной группе дел»⁷. В обоснование данной мысли авторы, в частности, обращали внимание на то, что во многих судебных решениях можно встретить указания, дословно повторяющие требования закона. По мысли названных ученых, «становление судебной практики как компонента и результата судебной деятельности начинается с того момента, когда суду, для того чтобы применить закон к спорному случаю, вынести по делу правосудное решение, необходимо истолковать закон, уяснить его смысл и содержание путем конкретизации тех понятий, которые выражены в словесной формуле закона»⁸.

Таким образом, С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров судебную практику рассматривали с широких позиций: как сложную юридическую конструкцию – «компонент и результат судебной деятельности». К судебной практике ученые относили, в том числе, и судебные разъяснения по вопросам применения закона, поскольку в них делаются необходимые логические выводы, раскрывающие содержание закона, не сформулированные в его тексте, и осуществляется не только разъяснение закона, но и его конкретизация и детализация⁹. Резюмируя свои рассуждения по указанной проблеме, вышеназванные авторы сделали вывод, что судебная практика представляет собой единство судебной деятельности и правоположений как результата, итога этой деятельности¹⁰.

Н. А. Подольская также с широких позиций исследует судебную практику, в частности ту «ее часть, которая создается в результате деятельности высших судебных инстанций, а также в ходе толкования законов высшими судебными инстанциями», рассматривая данную часть практики в качестве источников права «в формально-юридическом смысле»¹¹.

Примерно с аналогичных широких позиций конструкция судебной практики, как охватывающая судебную деятельность и ее объективированный опыт, рассматривается и рядом других авторов. Так, по мнению В. И. Леушина, «правоприменительная, в особенности судебная, практика существует не только в виде простой деятельности соответствующих государственных органов, но и имеет объективированные формы закрепления положительного опыта»¹². Развивая эту мысль, автор далее замечает, что и изучение, и обобщение практики осуществляется не только в научных исследованиях, «но и в официальных формах, как практическая деятельность специальных учреждений»¹³. Таким образом, названный автор категорию судебной практики понимал «не только как объективированный опыт правоприменения», но и как юридическую по содержанию деятельность других «специальных учреждений».

По мысли С. С. Алексеева, «необходимо строго различать практику как конкретную организаторскую деятельность в области права и практику как итог, результат этой деятельности. Первая – это сфера фактической жизни права, основа научного познания, придающая ему смысл и ценность; вторая – один из специфических правовых феноменов, включающийся в правовое регулирование. Хотя объективированный опыт реализации права и выражает практику в первом из ука-

⁷ Судебная практика в советской правовой системе. – М. : Юрид. лит., 1975. – С. 8.

⁸ Там же. – С. 10.

⁹ Там же. – С. 11, 14.

¹⁰ Судебная практика в советской правовой системе. – С. 16–17.

¹¹ Подольская Н. А. Проблемы применимости судебного прецедента как источника права в правовой системе России // Российская академия юридических наук. Научные труды. – М. : Юрист, 2001. – Т. 1. – С. 36.

¹² Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. – Красноярск, 1987. – С. 4.

¹³ Там же.

занных значений, – это все же не сама по себе деятельность, а ее итог, результат»¹⁴.

В этом же, примерно, контексте в юридической литературе был высказан взгляд, согласно которому судебная практика определяется «как единство а) того вида судебной деятельности по применению правовых норм, которая связана с выработкой определенных правоположений на основе раскрытия смысла и содержания применяемых норм, а в необходимых случаях и их конкретизации и детализации, и б) итога этой деятельности (самих положений). Отсюда следует, что судебная практика – это одновременно и динамика (указанный вид судебной деятельности при осуществлении правосудия), и статика (результат этой деятельности – правоположения)»¹⁵.

По В. Ю. Соловьеву, понятие судебной практики соотносится с осуществлением правосудия, а с формально-логической точки зрения сопоставимо с категорией юридической практики. «Судебная практика, – полагает данный автор, – это единство судебной деятельности по осуществлению правосудия и опыта этой деятельности, объективированного в форме судебных решений, вступивших в законную силу»¹⁶.

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на одно обстоятельство. В. Ю. Соловьев говорит о судебной практике как о единстве судебной деятельности и опыта этой деятельности, объективированном «в форме судебных решений, вступивших в законную силу», что, как представляется, существенно сужает рамки судебной практики, оставляя за рамками последней ряд важных ее видов – постановления и определения Конституционного Суда РФ; постановления пленумов высших судебных инстанций; решения Европейского суда по правам человека; обзоры судебной практики по той или иной категории дел и другие ее элементы.

В юридической литературе использован и иной методологический прием – «деятельностный» подход к пониманию категории судебной практики. В качестве исходного момента здесь используется Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении»¹⁷. В соответствии с п. 4. названного Постановления суд, помимо норм материального и процессуального права, подлежащих применению в конкретном деле, также должен учитывать:

а) постановления Конституционного Суда Российской Федерации о толковании положений Конституции Российской Федерации, подлежащих применению в данном деле, и о признании соответствующими либо не соответствующими Конституции Российской Федерации нормативных правовых актов, перечисленных в пунктах «а», «б», «в» ч. 2 и в ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, на которых стороны основывают свои требования или возражения;

б) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятые на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации и содержащие разъяснения вопросов, возникающих в судебной практике при применении норм материального или процессуального права, подлежащих применению в данном деле;

в) постановления Европейского суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле.

¹⁴ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. – М., 1981. – Т. 1. – С. 341.

¹⁵ Судебная практика в советской правовой системе. – С. 4–5.

¹⁶ Соловьев В. Ю. Понятие судебной практики // Законодательство и экономика. – 2002. – № 12. – С. 36.

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 2.

С. Н. Семенов предпринял попытку определить категорию судебной практики с позиций доктрины судебного прецедента. По мнению названного автора, «поскольку в классической доктрине прецедента обязательным является не само решение, а его часть, содержащая мотивы, по которым суд пришел к такому выводу, и формулировку правовой нормы-принципа, то и речь о судебной практике в российской правовой системе необходимо вести в этом же ключе»¹⁸. Поясняя эту мысль, автор далее говорит, что за основу здесь необходимо брать не конкретный массив актов судебной власти, а только те из них, которые содержат сформулированную норму права в своих мотивах. Тогда можно будет говорить о судебной практике как о содержащей новые нормы права вне зависимости от вида акта или суда, его принявшего, а также не ссылаясь на ту функцию, которую выполнял суд, принимая такой акт (идет ли речь об отправлении правосудия или обобщении результатов такового). Используя такой подход, как полагает данный автор, он таким образом склоняется «определять понятие судебной практики через понятие правоположений»¹⁹.

Иначе говоря, названный автор, по сути, рассматривает судебную практику как источник права, что подкрепляется перечнем актов судебной власти, куда, по мысли упомянутого автора, должны включаться, наряду с актами высших судебных инстанций Российской Федерации и Европейского суда по правам человека, также решения судов по конкретным делам, если они восполняют пробелы в праве, либо приняты на основании норм-принципов, либо реализуют дискреционные полномочия суда, а также решения судов, признающие незаконными нормативные акты органов законодательной или исполнительной власти²⁰.

При всей привлекательности такого подхода представляется необходимым обратить внимание не некоторые его недостатки.

Во-первых, подход к рассмотрению судебной практики только «через понятие правоположений» вряд ли можно признать по своему логическому объему достаточным и с научной точки зрения корректным. Нередко в подготовленных «Обзорах судебной практики», утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ, содержатся те или иные «правоположения», конкретизирующие, уточняющие и т. п. соответствующие установления закона. Тогда, если исходить из рассуждений вышеупомянутого автора, такие «Обзоры» – важную часть судебной практики – следовало бы относить к источникам российского права, что, безусловно, противоречит действующему отечественному правопорядку.

Во-вторых, даже если исходить из доктрины судебного прецедента, то трудно согласиться с позицией названного автора, когда он «к судебной практике как источнику права» относит, в том числе, и соответствующие решения судов по конкретным делам, ибо судебные прецеденты в странах англосаксонской системы права могут устанавливаться, как известно, только высшими судебными инстанциями, а не всякими решениями судов, пусть даже и содержащими в себе те или иные сформулированные правоположения.

В-третьих, как будет показано в дальнейшем, с теоретических и методологических позиций цивилистическую практику нельзя сводить только к профессиональной судебной деятельности, выраженной в форме тех или иных юридических актов (решений, постановлений, определений), выработанных судами правоположений; она представляет собой цивилистический феномен значительно более широкий по своим логическим «параметрам».

¹⁸ Семенов С. Н. Юридическая природа и правовой статус судебной практики : дис. ... магистра юриспруденции. – Екатеринбург, 2008. – С. 21–22.

¹⁹ Семенов С. Н. Указ. соч. – С. 22.

²⁰ Там же.

По мысли представителей континентальной юридической доктрины – французских исследователей Ф. Жени и Э. Серверана, «судебная практика представляет собой сферу, не урегулированную императивными нормами. Если в законе содержатся эластичные положения (или стандарты – по терминологии французского юриста Э. Ламбера), судья может осуществлять свободный поиск, и именно в этих случаях зарождается судебная практика»²¹. В континентальном праве, как отмечает С. В. Боботов, судебную практику исторически рассматривают в качестве синонима судебной деятельности в целом и как выработанные в ходе судебного разбирательства «судебные правовоположения», обладающие определенной степенью обобщенности, общепризнанности и обязательности²².

Таким образом, континентальная доктрина идентифицирует судебную практику с достаточно широким явлением правовой действительности, включающим в себя и деятельность судов, связанную с выработкой специфических правовых регуляторов («судебных правовоположений»), обладающих определенной степенью обобщенности и легитимности (общепризнанности). По мысли В. А. Керимова, «это определение судебной практики более полно охватывает сферу судебной деятельности, не оставляя за рамками единой системы такой ее вид, как осуществление правосудия»²³.

Выше были подвергнуты анализу различные суждения исследователей, подходивших к изучению категории судебной практики, главным образом, с позиций догматической юриспруденции. Однако, как представляется, указанная категория нуждается в осмыслении и с более глубоких – философско-правовых – позиций. Обсуждаемая проблема вряд ли может быть положительно решена только в рамках узкого, догматического подхода позитивной юриспруденции, без апелляции к ряду общеправовых и логических категорий и конструкций.

Прежде всего следует исходить из того, что категория практики в философии трактуется достаточно широко: как материальная, чувственно-предметная целенаправленная деятельность людей, имеющая своим содержанием освоение и преобразование объектов естественного (природного) и социального характера и составляющая всеобщую основу, движущую силу развития человеческого общества и познания²⁴.

В философской литературе сформировались два основных направления в трактовке категории практики. Одни ученые употребляют ее в предельно общем значении – как совокупность общественной деятельности, и прежде всего – материально-производственной²⁵, другие – осуществляют развертывание этой категории как по содержанию, так и по объему, выделяя виды практики, в том числе политическую и правовую, т. е. речь идет об онтологии практики²⁶. Выделение в онтологическом исследовании практики такого ее вида, как юридическая, имеет важное методологическое значение: изучение ее связывается с реальной жизнью, теорией изучаемого объекта, раскрывающей действительность в ее самом общем виде. Кроме того, онтологическое исследование практики является тем методологическим «мостом», который позволяет перейти к исследованию практики в той или иной ее специфической сфере, в частности юридической.

²¹ Цит. по: Семенов С. Н. Указ. соч. – С. 19.

²² Боботов С. В. Конституционная юстиция (сравнительный анализ). – М., 1994. – С. 108.

²³ Керимов В. А. Понятие судебного прецедента. – URL: <http://www.yurclub.ru/articles/arbitration/post50.html>

²⁴ Берков В. Ф. Философский словарь. – URL: <http://www.philosophydic.ru/ponytail> (дата обращения: 10.05.13).

²⁵ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. – М., 1973. – С. 198–199.

²⁶ Арефьева Г. С. О видах и формах социальной практики : научный доклад высшей школы // Философские науки. – 1974. – № 2. – С. 38–39.

Особенностью практики, как отмечается в философской литературе, является то, что она органически воплощает в себе два фактора – материально-преобразующий (материальный), объединяющий практику с иными универсальными формами движения материи, и идеальный (сознательный, духовный) – специфический, отличительный ее признак. Так, по мнению С. С. Гольдентрихта, «общественная материальная деятельность и общественное сознание – это моменты целостной общественно-исторической практики, система, в которой они различаются как материальная (внешняя) и идеальная (внутренняя) стороны»²⁷.

Таким образом, всякая практика, в том числе и юридическая, является формой единства предметно-преобразовательной и познавательной, материальной и идеальной деятельности субъектов. Причем в этом единстве «материальное и идеальное» находятся в тесной взаимосвязи, взаимодействии²⁸.

Вместе с тем практика – это, прежде всего, результат не только и не столько деятельности отдельного человека, сколько совокупной деятельности людей или даже опыт всего человечества в его историческом развитии. Как по содержанию, так и по форме практика всегда носит общественный характер – осуществляется в рамках того или иного общества, с использованием социальных и иных средств, способов и форм и имеет общественные цель и значение.

Основными видами практики в контексте обозначенного философского концепта выступают: 1) материально-производственная деятельность людей; 2) социально-преобразующая деятельность масс. Вместе с тем и такое единичное явление, как естественно-научный эксперимент, специалисты в области философии науки также относят к практике – ее особому виду²⁹.

С позиций отмеченного выше судебная практика относится, прежде всего, к «социально-преобразующей деятельности масс», т. е. данный вид деятельности направлен на «освоение и преобразование» объектов социального характера, юридического «бытия».

С какими же видами социальной деятельности – конкретными судебными актами (решениями, постановлениями и т. д.), либо «правоположениями», выработанными в ходе судебной деятельности, либо постановлениями высших судебных инстанций и т. д. следует идентифицировать понятие судебной практики? Исходное методологическое значение здесь имеет усвоение смыслового значения категории «понятие» как одного из важных философских концептов.

Категория «понятие» (это касается и понятия судебной практики) с философских позиций есть форма мысли, обобщенно отражающая предметы и явления, а также связи между ними, посредством фиксации их существенных свойств. Причем с умножением потребностей людей и усложнением видов их деятельности появились и более отвлеченные понятия, непосредственно не связанные с чувственным отражением, но вместе с тем являющиеся более близкими к реальности в смысле отражения ее сущности. Они образовались не только через сравнение наглядных образов, но и путем применения различных логических приемов: анализа, синтеза, абстрагирования, индукции, дедукции, аналогии, идеализации и т. д.³⁰

Применительно к обсуждаемой проблеме это означает, что есть «простые» формы понимания категории судебной практики, связанные с «чувственным» ее отражением (конкретные судебные акты – решения, постановления и т. д. судеб-

²⁷ Гольдентрихт С. С. Общественное бытие, социально-историческая практика и сознание // Общественное сознание и общественная практика. – М., 1979. – С. 34.

²⁸ Леушин В. И. Указ. соч. – С. 9.

²⁹ Кохановский В. П., Пржиленский В. И., Сергодеева В. А. Философия науки : учеб. пособие. – М. : Ростов н/Д, 2005. – С. 108 и след.

³⁰ Более подробно см.: Берков В. Ф. Философский словарь. – URL: <http://www.philosophydic.ru/ponytail> (дата обращения: 10.05.13).

ных органов), и «отвлеченные» ее понятия, отражающие ее сущностные (глубинные) свойства и признаки (выработанные в ходе судебной деятельности, как ее результат, соответствующие правовоположения), ее связи и отношения с другими «смежными» явлениями правовой действительности.

С логических позиций понятия, вступая в связи между собой, образуют различные виды отношений. Так, объемы понятий могут находиться в отношении совместимости (когда они хотя бы частично совпадают) или, напротив, несовместимости (когда они даже частично не совпадают). В свою очередь, отношения совместимости могут быть отношениями тождества (когда объемы понятий полностью совпадают); пересечения (объемы понятий совпадают лишь частично); подчинения (объем одного понятия входит в объем другого – более общего).

Среди отношений несовместимости также выделяют связи: соподчинения (когда два или более не пересекающихся по объему понятия подчинены общему для них понятию, не исчерпывая его объем) и противоречия (два непересекающихся понятия подчинены общему для них понятию, исчерпывая его объем)³¹.

Применительно к предмету настоящего исследования отмеченное выше означает следующее. По объему понятия таких правовых явлений, как постановления высших судебных инстанций и акты судов общей юрисдикции по конкретным делам, находятся между собой, как представляется, в отношениях «несовместимости», когда оба эти «непересекающиеся» понятия подчинены другому, более общему для них понятию («судебная практика»), не исчерпывая объема последнего. Так, объем понятия «судебная практика», безусловно, помимо указанных двух элементов охватывает собой и некоторые другие явления правовой действительности (обзоры и обобщения судебной практики; правовоположения, выработанные судами в ходе правоприменительной деятельности, и др.).

Уяснение логических отношений между указанными понятиями способствует адекватному определению категории судебной практики, уяснению различных ее смысловых значений и видов, углубленному пониманию соответствующих ее текстов.

Однако рассматриваемые понятия соотносятся между собой не только по объему, что выше было отмечено, но и по содержанию – совокупности отраженных в них признаков (свойств) соответствующих объектов. При этом следует помнить, что применительно к содержанию понятий действует закон их обратного соотношения.

Имеются ли какие-либо общие «качественные» признаки (свойства), характерные для таких правовых явлений, как конкретные судебные решения и постановления высших судебных инстанций, которые (признаки) могут быть обозначены одним каким-то вербальным знаком (словом)? Думается, некоторые такие общие, сходные признаки, свойственные обоим названным объектам, присутствуют – в частности, это то, что и конкретные судебные решения, и постановления высших судебных инстанций выступают в качестве судебных актов; они имеют важное юридическое значение, влияя на формирование судебной практики; относятся к сфере судебной юрисдикции и т. д. Все эти общие «качественные» признаки, характеризующие анализируемые объекты, могут быть обозначены единым словосочетанием – «судебная практика». И в этом смысле конкретные судебные решения, как и постановления высших судебных инстанций, включаются в состав понятия судебной практики в качестве его структурного элемента (части), не исчерпывая, разумеется, в целом его (понятия) содержания.

Вместе с тем, безусловно, такие правовые явления, как конкретные судебные решения и постановления высших судебных инстанций, характеризуются и рядом

³¹ Более подробно см.: Берков В. Ф. Указ. работа.

«качественных» отличительных признаков (особенностей). При этом представляется важным обратить внимание на то, что в философии науки различают элементарные и производные, носящие более сложный характер, понятия³². В этом контексте судебные решения относятся к элементарным (простым) формам понимания судебной практики; что же касается постановлений высших судебных инстанций, то они представляют собой сложную, более высокого уровня и квалификации ее форму. В частности, в постановлениях пленумов высших судебных инстанций аккумулируется важнейший правовой опыт, «извлекаемый» из массива конкретных судебных решений, подвергается осмыслению соответствующая судебная правоприменительная деятельность, определяются пути ее дальнейшего развития и т. д. Посредством конкретных судебных решений и постановлений высших судебных инстанций выполняются различные специфические юридические функции в правовой системе и т. д.

По замечаниям специалистов, различие понятий во многом связано (обусловлено) с определением различий сущности объектов, явлений; если такое определение тяготеет к характеристикам особого способа бытия объекта, явления, то оно дает нам конкретное понятие, если же определение сориентировано на отвлечение и обобщение каких-то свойств объектов, то оно «закрывает» абстрактное понятие³³.

В нашем предмете исследования «бытие» такого явления, как конкретные судебные решения, «тяготеет» к характеристике «особого способа существования» судебной практики и в этом контексте может быть названо «конкретным понятием»; определение «бытия» постановлений высших судебных инстанций сориентировано на «отвлечение и обобщение» соответствующих «качественных» признаков судебной практики и, следовательно, «закрывает» ее абстрактное понятие.

Вместе с тем, говоря о различии абстрактных и конкретных аспектов «бытия» рассматриваемых понятий, следует обратить внимание на их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность. В «живом» познании и мышлении выработка конкретных понятий о способах «бытия» тех или иных форм социальных, в том числе правовых, явлений (объектов) выступает предпосылкой формирования абстрактных понятий о «бытии» данных форм, равно как и наоборот. Так, становление конкретного понятия о способе «бытия» судебной практики в форме конкретных судебных решений обуславливает возможность формирования на более высоком уровне мышления «абстрактного» понятия о «бытии» данного явления в форме постановлений высших судебных инстанций.

Более глубокое изучение феномена понятий связано с анализом их «процессуальности» (процесса образования); текстовых (языковых) особенностей; исторических, социокультурных и иных контекстов их «бытия». Как семантическая категория понятие выражает момент «развертывания» мысли применительно к тому, что выражено («явлено») в слове (языке). Правда, как свидетельствуют последние исследования в области лингвистики, связь между понятием и его знаковой (словесной) формой выражения не носит однозначного, жесткого характера; понятие (концепт) выводится из употребления разных слов, их конструкций и т. д. с учетом тех или иных их смысловых контекстов.

Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что если проанализировать различные тексты – нормативные, научные, литературные, культурологические, обыденное словоупотребление и т. д., где используется конструкция

³² Канке В. А. Указ. соч. – С. 16–17.

³³ Берков В. Ф. Указ. работа.

«судебная практика», то обнаруживается, что последняя употребляется в самых разных контекстах, получающих отражение в различных понятиях рассматриваемой конструкции (судебной практики) – в виде конкретных решений судебных органов, постановлений высших судебных инстанций, обзоров судебной практики по определенной категории дел, правоположений, выработанных в ходе судебной деятельности, и т. д.

Как свидетельствуют философские разработки, «практика» включает в себя такие моменты, как цель, потребность, мотив, отдельные действия; предмет, на который направлена деятельность; средства достижения цели, результат деятельности и т. д. Исходя из этого конструкция «судебная практика» может пониматься по-разному: с учетом конкретных целей, практических потребностей использования данной конструкции; тех практических результатов, которые должны быть достигнуты, и т. д. Так, для целей упорядочения в целом категории судебной практики, приведения ее в определенную систему, повышения эффективности деятельности судебных органов, безусловно, важнейшее значение имеет конструкция судебной практики, воспринимаемая в форме руководящих постановлений высших судебных инстанций.

Для целей обеспечения конституционных прав и свобод граждан, конституционного контроля за соблюдением и исполнением требований законодательства, безусловно, важнейшее значение имеет конструкция судебной практики, реализуемая в виде постановлений и определений Конституционного Суда РФ.

С целью повышения эффективности работы судов, обеспечения необходимого единообразия в их деятельности и надлежащей защиты прав и законных интересов граждан и других участников правоотношений важное значение имеет использование на практике правового опыта (правоположений), выработанного судами в ходе соответствующей правоприменительной деятельности.

Таким образом, конструкция судебной практики носит достаточно широкий характер, охватывая собой различные виды деятельности, связанные прямо либо опосредованно с отправлением правосудия, реализуемые для достижения определенных целей, тех или иных практических результатов социально-экономического, правового, культурного и иного характера. Среди конкретных форм судебной практики можно, в частности, выделить следующие:

- постановления и определения Конституционного Суда РФ;
- постановления пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного суда РФ (до 06.08.2014 г.);
- решения Европейского суда по правам человека;
- решения судов по конкретным делам;
- решения судов, в которых восполняются пробелы в праве, используются нормы-принципы либо реализуются дискреционные полномочия суда;
- решения судов, связанные с признанием незаконными нормативных правовых актов;
- «обзоры» судебной практики по определенным категориям дел;
- иные виды деятельности судебных органов, их должных лиц, связанные с использованием правового опыта.

Цивилистическая судебная практика, будучи частью более широкого явления – судебной практики, обладает всеми основными признаками, характерными для последней (родового явления), и вместе с тем имеет свои специфические (видовые) особенности, которые характеризуют ее сущность.

Прежде всего следует иметь в виду, что в практической сфере цивилистической юриспруденции реализуется гражданская правосубъектность – важнейшая юридическая форма выражения свободы воли субъектов, их способностей и возможностей самореализации в сфере частной жизни. В отличие от ряда иных от-

раслей права, гражданское право носит правонаделительный характер. Это обстоятельство, безусловно, должно учитываться как принципиальное исходное положение в процессе цивилистического правоприменения. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 10 «О рассмотрении судами жалоб на неправильные действия, нарушающие права и свободы граждан» (п. 9) специально обращено внимание на это обстоятельство³⁴.

Гражданские права и свободы в соответствии с конституционными положениями и основными началами гражданского законодательства имеют высокий юридический «статус», во многом приближающийся к «статусу» конституционных прав и свобод. Конституционный Суд РФ в своей правоприменительной практике, в частности, обратил внимание на недопустимость установления несоизмеренного ограничения гарантированной Конституцией РФ свободы экономической деятельности и, следовательно, свободы договора, а также права на свободное использование имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, принципа юридического равенства сторон гражданского правоотношения³⁵. Аналогично, в другом постановлении Конституционный Суд РФ положения п. 1 и 2 ст. 29, п. 2 ст. 31 и ст. 32 Гражданского кодекса РФ признал не соответствующими Конституции РФ как несоизмеренно ограничивающие права граждан в связи с имеющимся у них психическим расстройством здоровья³⁶.

Особенность цивилистической правоприменительной сферы обусловлена также принципом дозволительной направленности гражданско-правового регулирования. Нормы гражданского права должны быть сформулированы на основе общего принципа «разрешено все, что не запрещено законом», т. е. предоставлять субъектам достаточно широкий круг юридических возможностей действовать тем или иным образом в частноправовой сфере. Данный принцип в сфере цивилистической юриспруденции выражает одно из ключевых положений гражданского права – недопустимость ограничения прав и свобод субъектов, за исключением случаев, когда это прямо предусмотрено федеральным законом.

В контексте дозволительной направленности гражданского права следует иметь в виду, что в отличие от других отраслей права субъекты гражданского права вступают в гражданские правоотношения, как правило, по своей инициативе, своей воле и в своем интересе, что обеспечивается различными средствами, в том числе тем, что большинство норм гражданского законодательства носит диспозитивный характер. С позиций цивилистической практики это означает, что применение таких норм всецело зависит от усмотрения участников гражданского оборота, что должно учитываться судом при разрешении соответствующих гражданских споров. Благодаря принципу диспозитивности, стороны гражданского правоотношения могут исключить применение диспозитивной нормы к своим отношениям, ограничить в той или иной форме ее применение и т. д., приобретать субъективные права или не приобретать их, выбирать конкретный способ их приобретения, самостоятельно регулировать содержание правоотношения, распоря-

³⁴ О рассмотрении судами жалоб на неправильные действия, нарушающие права и свободы граждан : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 10 // Сборник Постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. – М., 1999. – С. 280.

³⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 г. № 9-П // СПС Консультант Плюс.

³⁶ По делу о проверке конституционности п. 1 и 2 ст. 29, п. 2 ст. 31 и ст. 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой : Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 г. № 15-П // СПС КонсультантПлюс.

жаться принадлежащими им субъективными правами, прибегать или не прибегать к мерам их защиты и т. д.³⁷

Особенностью цивилистической практики является также и то, что, в отличие от других отраслей права, в силу частного характера гражданских правоотношений, здесь реализуется частноправовой интерес граждан, юридических лиц и других субъектов, связанный с отношениями собственности, экономического оборота, потреблением материальных и иных благ. Нормы гражданского права являются теми уникальными правовыми средствами, выработанными человечеством, которые в наибольшей степени способны обеспечивать частноправовые интересы лиц – участников гражданских правоотношений. С этих позиций на практике очень важной проблемой является необходимость обеспечения сбалансированного сочетания частных и публичных интересов – положение, которое неоднократно было предметом рассмотрения на уровне высших судебных инстанций РФ, в частности Конституционного Суда РФ.

Отличительной чертой для сферы цивилистического правоприменения выступает и то, что здесь обеспечивается реализация специфических гражданско-правовых механизмов, средств защиты нарушенных прав и законных интересов, применения мер принуждения, в том числе ответственности субъектов вследствие неисполнения либо ненадлежащего исполнения своих обязательств, и т. д. Особенностью здесь является и то, что меры гражданско-правовой ответственности носят, по общему правилу, имущественный (стоимостной, экономический) характер и не могут непосредственно оказывать воздействие на самую личность субъекта (должника), его личную свободу и неприкосновенность и т. д., в отличие, например, от мер, применяемых в сфере уголовного права.

В связи с этим на практике является достаточно острой проблемой необходимость обеспечения полного восстановления того экономического состояния (положения) потерпевшего субъекта, которое существовало к моменту совершения правонарушения. Так, суды часто отказывают во взыскании упущенной выгоды в связи с трудностями доказывания ее объема (размера). Немалые трудности на практике вызывают попытки возмещения вреда, связанного с утратой (повреждением) так называемого товарного вида вещи и т. д.

В целом необходимо отметить, что в рыночных условиях хозяйствования цивилистическая правоприменительная практика играет очень важную роль, которая, можно предположить, будет в дальнейшем усиливаться; от того, насколько удастся на практике обеспечить правильное и адекватное применение норм гражданского права, во многом будет зависеть дальнейшее развитие российской экономики, ее эффективность и конкурентоспособность на мировом рынке, удовлетворение частных и публичных интересов, обеспечение благосостояния российского общества.

Однако конструкцию цивилистической практики, как представляется, нельзя сводить только к судебной правоприменительной и иной, непосредственно связанной с ней, деятельности. Цивилистическая практика может и должна пониматься и с более широких позиций – как деятельность, базирующаяся на социокультурной, духовной, интеллектуальной и иных основах общества, связанная с реализацией идеалов частного права, его правовых принципов и ценностей.

Примечательно в связи с этим, что в теории права, по мысли ряда ученых, категорией юридической практики охватывается не только деятельность, непосредственно связанная с применением норм права, но также и такие явления правовой

³⁷ См.: Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. – Свердловск, 1972. – С. 86.

действительности, как правотворчество, соблюдение права³⁸. Позже аналогичная мысль была высказана Н. Н. Тарасовым, по мнению которого «юридическая практика не может ограничиваться функционированием соответствующих органов государства и деятельностью юристов, т. е. должна пониматься как социальная, базирующаяся на интеллектуальной, духовной основе общества, а не узкопрофессиональная»³⁹.

Приведенные выше положения о широком смысловом значении юридической практики тем более относятся к такому ее важнейшему виду, как цивилистическая практика, которая опосредствует в своей основной массе нормальные, позитивные имущественные, личные неимущественные отношения, а также некоторые другие социальные связи, имеющие исключительное значение в структуре современного общества.

Исходя из этого понимание цивилистической практики не должно сводиться к правоприменительной судебной деятельности, будь то судебные решения по конкретным делам либо выработанные судами « типовые » правоположения и т. д. В частности, в качестве видов (разновидностей) цивилистической практики, как представляется, могут и должны рассматриваться такие явления, как деятельность, связанная с цивилистическим законодательством, осуществлением частноправовой политики, цивилистическим воспитанием, повышением правосознания и правовой культуры граждан и т. п. Именно такое, на качественно более высоком уровне, понимание цивилистической практики способно оказывать необходимое воздействие на глубинные процессы, связанные с формированием гражданского общества в России, его внутренней структуры, важнейших социальных институтов; содействовать обеспечению современных экономических преобразований в стране.

³⁸ См., напр.: Реутов В. П. Юридическая практика и развитие законодательства : автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Свердловск, 1968. – С. 5.

³⁹ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. – С. 180.